подготовлено, и к мысли о святости Михаила читатель подводится вполне последовательно. Мы видели (стр. 141—142), что автор характеризует юношу Михаила как аскета, что он подчеркивает в качестве главного достоинства Михаила-правителя его любовь к «священному чину», его заботу о священниках и монахах. Благодаря этому во второй части «Повести», в рассказе о преставлении Михаила, читатель уже совершенно подготовлен к словам о том, что Михаил, узнав о приходе посланцев с иконой от патриарха, «радости же духовныя исполнися, бе бо всею душею ждый благословениа и молитвы от святаго патриарха, мысляще бо, яко да святаго молитвою хотяше тещи в добрый путь... еже во иноческое житие, и возприати святаго ангелскаго иноческаго образа, его же от многих лет горением сердца желаше, сего ради со слезами завидяше иноческому житию и, яко бо ангелы божиа, с любовию инока среташе».[102] Михаил давно хотел пострижения, давно завидовал иноческому житию, потому и любил всегда и почитал монахов, «яко самого Христа и паче князей». Ясно, что «Повесть», оканчивающаяся тем именно рассказом о преставлении Михаила, в котором имеется только что процитированное место и в основе которого лежит идея о Михаиле-святом и история его пострижения, должна была бы содержать и все те упоминания об особой любви Михаила к монахам, которые есть в первой части «Повести» Никоновской летописи и Лицевого свода и в хвалебной характеристике правления Михаила, содержащейся в них и в Симеоновской летописи. Но мы уже видели (см. стр. 141—143), что составитель «Повести» Тверского сборника часть этих упоминаний выбросил, заменив их указанием на гражданские добродетели Михаила-юноши и подчеркнув в качестве его главного достоинства как правителя совсем другую, вполне светскую, черту. Следовательно, концом «Повести» Тверского сборника не может являться рассказ о преставлении Михаила «Повестей» Никоновской летописи, Лицевого свода и Симеоновской летописи, так как в противном случае «Повесть» Тверского сборника лишилась бы единства своего идейно-художественного замысла.

Обращая внимание на те же два момента: линию Михаил-святой, любящий монахов, и линию отношения к Ивану, как они отразились в рассказе о смерти Михаила Тверского сборника, мы видим, что именно здесь налицо соответствие отражению обеих этих линий в «Повести» Тверского сборника. Как в «Повести» Тверского сборника исключена линия Михаил-святой, так и в рассказе, стоящем там же под 1399 г., нет ничего, что было бы с этой линией связано. Напротив, Михаил дает здесь обед («вечеру велику») всем вместе: и «священному чину», и нищим, слепым, хромым, и всему народу; и составитель, возможно, полемизируя со своим предшественником, заставляет Михаила сказать на этом-то обеде: «Един путь, по нему же вси идем к создавшему нас».[103] У этого составителя Михаил, оказывается, не думает, что «священный чин» — особые люди, «ангелы божии на земле», но утверждает, что все мы христиане: и монахи, и священники, и миряне.

Что же касается отношения к Ивану Михайловичу, то ни в одном другом варианте рассказа о смерти Михаила нет такого особого внимания к Ивану, как в рассказе Тверского сборника. Только в нем дважды говорится об Иване как законном преемнике Михаила: сначала сам Михаил говорит об этом епископу, только для этого (а вовсе не для разговоров о пострижении) и призвав последнего, а затем уже епископ, опять-таки

[102] ПСРЛ, т. XI, стр. 177.
[103] ПСРЛ, т. XV, стлб. 459; Тверской сборник, Забелинский список, л. 185.